

УДК 811.161.1

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ

© Юан Дунбинь, Е.В.Хабибуллина

Статья посвящена особенностям вербализации пространственно-временного континуума в современной литературной сказке на примере сказки Э.А.Успенского «Вниз по волшебной реке». Выявляются средства, используемые автором для объективизации пространства и времени в фантастическом произведении, а также в целях достижения определенного стилистического эффекта путем включения средств, традиционных для фольклорных произведений. Анализируются пространственные номинации и выявляется их способность выступать в качестве репрезентантов разных видов пространства одновременно. Рассматривается употребление темпоральных номинаций в прямых и переносных значениях, определяются языковые единицы, выступающие как средство придания динамики сказочному повествованию.

Ключевые слова: литературная сказка, анализ текста, пространство, время, языковые средства.

Литературная сказка, по мнению Л.В.Овчинниковой, является исторически сложившимся эпическим видом литературы. Его основой являются единство художественного мира сказки в целом и синтез различных элементов и принципов создания литературы и фольклора [1]. Литературная сказка, безусловно, заслуживает не менее серьезного внимания исследователей, чем любой другой жанр художественной литературы, несмотря на то что тексты, созданные в этом жанре, сегодня предназначены преимущественно для детской аудитории. К сожалению, до сих пор существует некоторая предвзятость по отношению к филологическим исследованиям, посвященным текстам произведений для детей, поскольку такая литература кажется второстепенной, несерьезной. Однако детскую литературу как особое явление, заслуживающее серьезного отношения литературной общественности, рассматривали такие видные деятели, как критик В.Г.Белинский, писатели М.Горький, К.И.Чуковский и С.Я.Маршак. В.Г.Белинский в статье «О детских книгах» выдвигает идею о том, что «живая, поэтическая фантазия есть необходимое условие, в числе других необходимых условий, для образования писателя для детей», поскольку именно фантазия «есть преобладающая способность и сила души», а также формулирует ряд требований, которым должен отвечать автор детских произведений [2]. Таким образом, можно говорить о том, что выдающийся русский критик признавал особый статус данной разновидности литературы.

Его позицию разделяли литераторы начала XX века. Так, М.Горький, говоря о необходимости развивать детскую литературу в соответствии с изменившейся политической ситуацией в стране, отмечал, тем не менее, что детская «кни-

га должна быть не дидактической, не грубо тенденциозной. Она должна говорить языком образов, должна быть художественной», кроме того, он указывал, что детям «нужна и веселая, забавная книжка, развивающая в ребенке чувство юмора. Надо создать новые юмористические персонажи, которые явились бы героями целых серий книжек для детей» [3]. Общепринятым сегодня является мнение, что детский писатель – явление особое, так как на нем лежит большая ответственность, и что книги для детей должны соответствовать всем требованиям, которые предъявляются к высокохудожественным текстам.

В дальнейшем именно их точка зрения стала основополагающей в советской детской литературе, появилось значительное количество прекрасных писателей, работавших исключительно для детской аудитории. Детская литература со временем стала предметом теоретического изучения, сначала преимущественно в рамках литературоведения. Из работ последних лет, посвященных жанру литературной сказки, как наиболее крупные можно отметить исследования Л.В.Овчинниковой [1] и М.Н.Липовецкого [4]. Из лингвистических исследований можно отметить кандидатскую диссертацию Л.А.Островской «Язык и стиль русской литературной сказки (лингвостилистический анализ сказки П.П.Ершова "Конек-горбунок")», в которой автор выявляет соотношение элементов языка устного поэтического творчества русского народа (фольклора) и литературного языка в сказке "Конек-горбунок", семантико-стилистические функции лексики и фразеологии, особенно системы образных средств. При этом главное внимание уделяется проблеме актуализации элементов и рус-

ского литературного языка, и единиц языка фольклора и говоров [5].

В последние годы интерес лингвистов, обратившихся к изучению текстов детских писателей, в основном концентрировался на авторских новообразованиях или на средствах комического. Так, в диссертации Н.И.Соловьевой «Авторские новообразования в детской литературе: структура, семантика, прагматика» изучаются структура, семантика и прагматика авторских новообразований в детской литературе, в том числе и в сказках для детей [6].

Е.А.Гаранина в кандидатской диссертации «Языковые средства выражения комического в детской литературе» подробно исследует лексические, грамматические, фонетические и словообразовательные средства, используемые авторами для создания комического эффекта [7].

И.В.Цикушева в своих работах определяет характерные признаки жанра сказки, классифицирует лингвистилистические приемы, используемые для реализации комического эффекта в литературной сказке для детей [8-9].

Е.В.Костина в работе «Авторские новообразования в языке отечественной детской литературы: функциональный и словообразовательный аспекты» рассматривает способы образования и семантико-деривационную структуру авторских новообразований детских авторов, причины создания авторских новообразований, выполняющих номинативную функцию [10].

О.Г.Горбачева обращается к исследованию объема и содержания ономастического пространства русских народных и авторских сказок, определению специфики, роли и функции имен собственных, являющихся одним из языковых средств создания художественных образов [11].

При этом можно отметить, что отдельные категории текста, в частности пространственно-временной континуум, в качестве объекта филологического исследования на материале детской литературной сказки были задействованы достаточно редко, хотя изучение их реализации и репрезентации в текстах других жанров часто привлекает внимание филологов. Немногие имеющиеся работы убеждают в том, что данный объект, несомненно, представляет большой интерес для изучения [12-13].

Настоящая работа посвящена анализу репрезентации времени и пространства в произведениях Э.Успенского. Ее актуальность обусловлена тем, что данные категории – текстообразующие для любого художественного текста – особенно важны для такого литературного жанра, как сказка, поскольку в сказке автор должен создать свой фантастический мир, при этом объектив-

ровать его, уподобив реальному. Это значит, что он должен наполнить его пространственными и временными пометами, чтобы повествование, составляющее основу сказки, могло состояться. От того, насколько удачной будет эта деятельность автора, зависит, будет ли сказка интересной читателю.

Мы обратились именно к произведениям Э.Успенского, поскольку он на данный момент один из самых популярных детских писателей современной России, его книги выходят большими тиражами, по ним снимаются мультипликационные и художественные фильмы, а произведения, безусловно, оказывают определенное воздействие на детскую аудиторию, влияя на формирование ее ценностных установок.

Проанализировав произведения Э.Успенского, мы пришли к выводам, что их можно условно разделить на две основные группы: 1) сказки, написанные по мотивам фольклорных произведений, 2) сказки, написанные на «современном материале». Мы берем сочетание «современный материал» в кавычки, так как подразумеваем под ним следующее: автор отбирает из современности определенные детали и реалии и помещает их в свои произведения, чтобы сделать их более близкими и понятными маленькому читателю.

В настоящей статье мы анализируем языковую репрезентацию категорий времени и пространства в сказках первого типа. Данный объект исследования интересен тем, что, создавая континуум сказки, включающей мотивы различных фольклорных произведений, автор должен, с одной стороны, использовать те средства выражения пространственно-временных отношений, которые являются типичными для данного фольклорного жанра, с другой стороны, он не может пользоваться только этими элементами, иначе его произведение будет восприниматься как неоригинальное. При этом для авторской сказки в очень большой степени свойственно подчинение отбора языковых средств определенному принципу – участию их в реализации языковой игры. Можно предположить, что и способы выражения пространственно-временных отношений будут этому принципу подчиняться. Языковая игра требует от автора применения особых приемов, в частности деривационных, возможно также использование разного рода аллюзий и т.д.

Сказка «Вниз по волшебной реке» представляет собой текст, в котором сюжетом обусловлено два вида пространства. Первое – объективировано как приближенное к реальному (город, деревня), второе представляет собой пространство, которое можно определить как фантастическое – царство царя Макара. Как показывает ана-

лиз контекстов, пространственными пометами могут выступать не только существительные со значением места, но и другие лексемы:

В одной деревне у одной бабушки жил один городской мальчик [14].

С данной фразы начинается повествование, в ней сразу же создается оппозиция «город-деревня», так что соответствующие лексемы совмещают функции обозначения пространства географического и пространства социального. Читателю предлагается типичная для современности ситуация: городской ребенок приезжает в гости к бабушке в деревню и там сталкивается с необычным для себя миром. Лексема «один» в значении неопределенного местоимения «некий» подчеркивает жанровую принадлежность текста, поскольку такое употребление типично для фольклора.

Помимо вышеуказанных слов, к пространственным обозначениям мира «реального» можно отнести следующие номинации:

Мите пора было ехать учиться, и они шли пешком до электрички;

И они одиноко побрели в сторону от станции [14].

Как показывает анализ текста, основное действие разворачивается в мире фантастическом, поэтому количество пространственных помет мира «реального» достаточно невелико.

Пространство фантастическое представлено более разнообразными номинациями, все они могут быть условно разделены на 2 группы:

А) слова, создающие представление о географических особенностях местности, в которой разворачивается действие:

1) номинации, задающие систему координат: *болото, лес, поле, речка, гора, Синее озеро, Синее море, Лукоморье, Калинов мост, пересохший пруд, огород;*

2) слова, представляющие собой одновременно номинации географических и социальных объектов: *царство, дворец, деревни Марфино, Павшино;*

Б) слова, являющиеся обозначением точечных объектов, расположенных в описываемом пространстве:

1) собственно обозначения точечных объектов: *печь, избушка на курьих ножках, баня, мастертская Василисы, подвал;*

2) обозначения объектов, одновременно представляющих точечное и социальное пространства: *тронный зал, боярская дума, чулан (место для наказания), площадь, казарма.*

Некоторые номинации прямо свидетельствуют о том, что являются пометами пространства ирреального, поскольку они являются аллюзиями – традиционными репрезентантами простран-

ственных координат в фольклорной сказке: *Лукоморье, Синее море, Калинов мост, избушка на курьих ножках.*

Иногда фантастический характер локальной пометы обуславливается одновременно ее аллюзийностью и контекстуальным сопровождением:

Над речкой стелился белый туман и пахло молоком. Над туманом поднимался мостик.

– *Неужели эта речка молочная?* – удивился мальчик. – *А мне никто про это не говорил.*

Он остановился посередине моста и долго смотрел, как по лёгким молочным волнам бегают солнечные зайчики. Потом он пошёл дальше. Его шаги гулко раздавались в тишине, и с кисельных берегов прыгали в молоко разноцветные пучеглазые лягушки. Наверное, они были сделаны из желе [14].

В данном случае мы видим, как автор объективирует фольклорную номинацию «Молочные реки – кисельные берега». В следующем контексте мы наблюдаем, как объективизация продолжается, поскольку описание Молочной реки приобретает «жизненные» подробности, и в результате возникает юмористический эффект:

1) *От жары молоко кое-где скисало, и в затонах получалась простокваша* [14].

2) *Я вот по Молочной реке на плоту плавал и то молчу! Сметаны наелся!* [14]

3) *Купец Сыромятников от Молочной речки рукав отвёл к себе на огороды. Капусту молоком поливает. А молоко грязное обратно в речку течёт* [14].

Эксплицитное выражение фантастической функции мы находим в номинациях, представляющих собой архаизмы: *царство, царский дворец, боярская дума.* Отметим, что первые два понятия уже семантизированы в представлении читателя-ребенка, поскольку являются традиционными для фольклорной сказки, третье понятие семантизируется в тексте, основой для его понимания является слово «боярин», с которым ребенок также может познакомиться в фольклорной сказке. При этом, описывая боярскую думу, автор также стремится достичь юмористического эффекта, поскольку бояре ведут себя не как государственные деятели, а скорее, как школьники, вернувшиеся после каникул:

1) *Боярская дума гудела как улей. Бородатые бояре давно не виделись и сейчас делились новостями.*

– *А я в деревне был!* – кричал боярин Морозов. – *В реке купался! Ягоды собирал – калину, малину всякую!*

– *Подумаешь, деревня!* – отвечал боярин Демидов. – *Я вот к Синему морю ездил. На песке жарился* [14]

2) *Царь развернул свиток.*

– *Боярин Афонин?*

– *Здесь, – ответил боярин Афонин, тот самый, который плавал по Молочной реке.*

– *Демидов?*

– *Вот я!*

– *Ладно. А Морозов? Скамейкин? Чубаров? Кара-Мурза?*

– *Присутствуют!*

– *Хорошо. Ну что ж. – Царь положил свиток. – А что-то я Качанова не вижу. Где он?*

– *А у него бабушка заболела, – объяснил боярин Афонин. Самый бородатый и поэтому самый главный среди бояр [14].*

Как уже было сказано, сюжет сказки обусловливает наличие сложной пространственной организации: городской мальчик Митя проводит каникулы в деревне у бабушки и отправляется в гости к ее родственнице, попадает в волшебный мир, населенный персонажами русских фольклорных произведений, в первую очередь – сказок: *Серый волк, Баба-яга, Василиса-премудрая, Соловей-разбойник, Змей-Горыныч, Царевна Несмеяна, Кощей Бессмертный, Лихо Одноглазое* и др. Временная же организация текста содержит минимальное количество элементов, присущих фольклорной сказке, поскольку действие происходит «в наши дни». Таким образом, особенности временной организации текста не связаны с наличием в нем фольклорных аллюзий.

Рассматривая временную организацию фольклорной сказки, исследователи, как правило, отмечают, что в произведениях картина мира в сказке вслед за традицией, идущей из мифологии, всегда циклически замкнута, следовательно, и хронотоп в волшебной сказке «замкнут» [15]. Темпоральный континуум в авторской сказке организован в большей степени линейно, как и в любом художественном тексте, могут быть и ретроспекции, и проспекции.

В сказке «Вниз по волшебной реке» особенность временной организации заключается в том, что в начале произведения параллельно разворачиваются две сюжетные линии: мальчик Митя в гостях у Бабы Яги и события при дворе царя Макара. Эти линии объединяются тем, что Митя наблюдает в волшебное блюдечко за происходящим в царстве царя Макара. В определенный момент он из наблюдателя превращается в активного участника этих событий.

Ретроспекций в данной сказке мало, они преимущественно тесно связаны с планом настоящего времени, объясняя либо поведение персонажа, либо последующее развитие сюжета. Проспекции в тексте не представлены.

Основная часть повествования разворачивается летом, причем в зачине ни разу не употребляется лексема «лето», читатель догадывается о времени года из контекста: *В одной деревне у одной бабушки жил один городской мальчик. Звали его Митя. Он проводил в деревне каникулы. Целыми днями он купался в речке и загорал* [14]. В сказочном мире, который, по замыслу автора, существует параллельно миру условно реальному, тоже лето: *Было жарко. Жужжали мухи* [14]. В данном случае оно никак не связано с какими-либо социальными реалиями и является собой именно сезон. Осень упоминается героями фантастического мира как время урожая:

– *Я бы осталась, – сказала Василиса. – Но как с урожаем быть? Я в этих делах не очень.*

Царь подошёл к окну.

– *А ведь верно! Осень на носу* [14].

В финальном отрезке текста, который, как и зачин, относится к плану условно реального мира, содержится описание смены природных циклов лето/осень, при этом оно является не столько упоминанием о природном времени, сколько указывает на циклическое событие социальной жизни – начало учебного года в школе: *Деревья в лесу начинали желтеть. Мите пора было ехать учиться, и они шли пешком до электрички* [14]. Таким образом, в зачине и концовке подчеркивается, что в современном мире представление о временах года оказывается связано не только с жизнью природы, но и с событиями социальной жизни.

Для объективизации временного плана повествования применяются следующие указания:

1) на временные отрезки определенной длительности: *Он проводил в деревне каникулы; Сроку даётся три дня и три ночи;*

2) на даты: *Год сегодняшний. Лето нынешнее;*

3) на суточный цикл: *утро – день – вечер – ночь* (А), реже реализующийся также через указания на состояние природы (Б):

(А) *Была глубокая ночь, но Митя и Баба Яга не спали; На другое утро Баба Яга долго сокрушалась; Рано утром в дверь синего терема постучали; В полдень к дворцу Кощей Бессмертного прискакал запыхавшийся дозорный* [14].

(Б) *Царский дворец и Молочную реку постепенно окутала тьма. Во дворце все спали (ночь); Во дворце тихо. Все обитатели попрятались где-то от невыносимого солнечного зноя* (день) [14];

4) на возраст: *Лет ему от роду пятьдесят* [14].

Вообще, любые попытки хронологических подсчетов в сказке условны, потому что либо нет

конкретной точки отсчета, либо эта точка тоже имеет фантастический характер, так как задана событием внутри самой сказки. Поэтому в анализируемом произведении нет точных дат и преимущественно представлены пометы, относящиеся к суточному циклу, – эта же особенность характерна и для фольклорной сказки. Успенским используется и типичная для фольклора формула «три дня и три ночи».

Безусловно, авторская сказка «заимствует» у фольклорной и другие темпоральные особенности, например, такое нарушение «нормальной» хронологии, как гиперболизация. Так как у читателя имеется пресуппозиция, что темпоральная гипербола характерна для жанров, повествующих о событиях фантастических (мифы, сказки, легенды), у него не вызывает удивления следующий контекст:

– *А я из болота и вылезла, – ответила старушка. – Я живу там, в болоте. Уж тыщу лет, наверное!*

– *Вот это да! Я и не слышал, чтобы люди в болоте жили. Да ещё тыщачу лет!* [14].

В данном случае сказочный персонаж (Кикимора Болотная) называет такой срок существования, который невозможен для человека, другой персонаж – мальчик Митя – удивляется продолжительности ее жизни. Но читатель знает, что в отличие от человека фольклорные персонажи либо наделены очень большим сроком жизни, либо бессмертием (их существование может быть прекращено только насильственным путем – таковы Баба Яга, Кашей (Кощей) Бессмертный, Змей Горыныч, Леший). Успенский сохраняет эту особенность за персонажами своей сказки.

– *Да?! – воскликнул Чумичка. – А ты мне скажи тогда, где он, Кощей Бессмертный, сейчас находится?*

– *А в подвале царском прикованный сидит! Двести лет там и находится!* [14].

При этом автор может указывать и на то, что фантастические герои ощущают свой солидный возраст, это делает их более «очеловеченными»:

Баба Яга поразилась:

– *Ну и молодец! Я триста лет в избушке живу, а мне такое и в голову не приходило! Теперь я этому Чумичке покажу. А в ступе летать я стала стара. Да и возраст не тот!* [14].

С одной стороны, читателю могут показаться плеонастичными выделенные фразы, однако первая из них указывает на то, что персонаж (Баба Яга) чувствует себя пожилой, а второй фразой персонаж подчеркивает, что со старением связано ограничение не только физических возможно-

стей: солидный возраст предполагает солидное поведение.

Присутствует в темпоральных номинациях данной сказки и языковая игра. Комический характер имеют сочетания «Год сегодняшний. Лето нынешнее»: в первом случае нарушение лексической сочетаемости создает алогизм, во втором обыгрывается омонимия «лето» – «год», «лето» – «отрезок годового цикла».

Художественное время опирается на определенную систему языковых средств. Это прежде всего система видовременных форм глагола, их последовательность и противопоставления, транспозиция (переносное употребление) форм времени, лексические единицы с темпоральной семантикой, падежные формы со значением времени, хронологические пометы, синтаксические конструкции, которые создают определенный временной план (например, номинативные предложения представляют в тексте план настоящего), имена исторических деятелей, мифологических героев, номинации исторических событий [16: 125].

Анализ лексического материала, с помощью которого происходит языковая репрезентация категорий времени в сказке Э.Успенского, позволяет сделать следующие наблюдения:

1) временные формы глаголов в тех фрагментах, которые представляют собой монологи, диалоги и полилоги, нередко выступают в транспозиционных значениях, поскольку таким образом передаются типичные особенности разговорной речи: *Сегодня собрался, а завтра разобрался!* – *воскликнул царь; Искал я, искал – не вижу иголки; Из него медведь выскочил и бежать* [14];

2) лексические единицы с темпоральной семантикой выступают как в прямых, так и в переносных значениях. В прямом значении употребляются следующие лексемы: существительные и наречия, обозначающие этапы суточного цикла: *утро, день, полдень, вечер, ночь, полночь, утром, вечером, ночью*. Наречия же «теперь» и «сейчас», также весьма частотные в тексте, выражают не только план настоящего (*Мы всё теперь знаем, Теперь говори, А сейчас в поле работа самая*), но и план ближайшего будущего, если сочетаются с глаголами будущего времени: *Теперь я этому Чумичке покажу. Кощей теперь её со свету сживёт. Теперь куры склюют! Сейчас ты возьмишь перо и бумагу и напишешь, что трон, корону и государство уступаешь мне!* [14].

Для того чтобы указать, что действие совершается немедленно, автор использует обычно наречие *сразу* (*у него все бабушки сразу выздоравливают; Дверь за ним сразу закрылась; Сразу, как из-под земли, выросли четыре стрельца*), а также

наречие *мигом* (*Ты уж погоди. Я мигом; Мигом выскочишь!*) [14].

Последовательность быстро сменяющихся друг друга событий обозначается с помощью союзов *как только* и *едва*: *Как только он перепилил последнюю цепь, Кощей со страшным грохотом рухнул вниз; Но едва он размахнулся саблей, чтобы снести Лиху голову, крутой берег под ним обвалился, и Финист рухнул в реку* [14].

Для жанра сказки характерна динамичность повествования, эта особенность присутствует и в анализируемом тексте благодаря вышеуказанным средствам, а также использованию конструкций с взаимным подчинением частей: *Но не доехали они и до середины моста, как мост под ними зашатался и рухнул; Но не успел кощевский конь сделать и трёх шагов, как Одноглазое Лихо, спасаясь от Волка, прыгнуло в седло позади Кощея* [14].

Указание на одновременность событий, также способствующее динамизму повествования, в тексте обычно передается сочетанием «в это время»: ... *А в это время к терему Василисы подошли стрельцы во главе с Чумичкой; Митя с Бабой-Ягой в это время уже были возле синего терема* [14].

В пространственно-временном континууме фольклорной сказки важную роль играет мотив дороги, в сказке «Вниз по волшебной реке» этот мотив также является очень значимым: Митя отправляется навестить бабушку, но оказывается в волшебной стране – и тут его путешествие не заканчивается, напротив, начинается череда приключений. Автор в подробностях описывает, как герой приходит в волшебный мир, но не описывает его обратного пути из царства Макара в деревню – мы видим Митю уже на пути из деревни в город. Таким образом, вероятно, автор хочет подчеркнуть, что сказочный мир навсегда остался в душе мальчика.

Подводя итоги анализа, можно сделать выводы о том, что в сказке Э.Успенского время и пространство обладают рядом особенностей.

1) поскольку в произведении действуют герои русских народных сказок, пространство стилизовано автором соответствующим образом, в первую очередь за счет использования локальных помет, встречающихся в фольклорных произведениях;

2) в сказке представлены два вида пространства – условно реальное и собственно фантастическое. Условно реальный мир приближен к окружающей читателя действительности, а фантастический – сочетает локальные пометы разного типа: фольклорные топонимы и топонимы, пред-

ставляющие собой обозначения географического и точечного пространства;

3) время в сказке Э.Успенского имеет в целом линейный характер, его динамичность поддерживается преимущественно лексическими средствами – словами, указывающими на быстрый характер действия, одновременность или быструю последовательность событий;

4) для достижения комического эффекта используется языковая игра – автором обыгрываются фольклорные номинации времени и пространства.

В дальнейшем мы планируем обратиться к анализу времени и пространства в произведениях Э.Успенского, объединенных в сборник «Новые русские сказки». Они также написаны по мотивам русских народных сказок, но на два десятилетия позже, можно предположить, что изображение пространственно-временного континуума здесь будет иметь свои особенности.

1. *Обчинникова Л.В.* Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика М., 2007. // URL: <http://www.twirpx.com/file/1216635/> (дата обращения: 04.07.2014)
2. *Белинский В.Г.* «О детских книгах» Собрание сочинений. В 9-ти томах. – Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 -- февраль 1841. // URL: http://dugward.ru/library/belinsky/belinsky_det_knig.html (дата обращения: 04.07.2014)
3. *Горький М.* Литература – детям / Собрание сочинений в тридцати томах. М., ГИХЛ, 1953. – Том 27. Статьи, доклады, речи, приветствия (1933–1936) // URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1933_literaturu_detyam.shtml (дата обращения: 04.07.2014)
4. *Липовецкий М.Н.* Поэтика литературной сказки (на материале рус. лит. 1920-1980-х гг.). – Свердловск: изд-во Уральского ун-та, 1992. – 183 с.
5. *Островская Л.А.* Язык и стиль русской литературной сказки (лингвостилистический анализ сказки П.П.Ершова "Конек-горбунок"): дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1984. – 202 с.
6. *Соловьева Н.Н.* Авторские новообразования в детской литературе: структура, семантика, прагматика: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 242 с.
7. *Гаранина Е.А.* Языковые средства выражения комического в детской литературе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Самара, 1998. – 24 с.
8. *Цикушева И.В.* Лингвистические средства создания комического эффекта в сказках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – Выпуск № 10. // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-sredstva-sozdaniya-komicheskogo-effekta-v-skazkah> (дата обращения: 06. 07.14)
9. *Цикушева И.В.* Лингвостилистическая специфика комического в литературной сказке: дис. ... канд.

- филол. наук. – Майкоп, 2010. – 175 с. // URL: <http://cheloveknauka.com/lingvostilisticheskaya-spetsifika-komicheskogo-v-literaturnoy-skazke> (дата обращения: 01.07.2014).
10. *Костина Е.В.* Авторские новообразования в языке отечественной детской литературы: функциональный и словообразовательный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2007. – 260 с.
 11. *Горбачева О.Г.* Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: дис. ... канд. филол. наук. – Брянск, 2008. – 273 с.
 12. *Квак Хэ Ми* Время, пространство и герой в сказках К.И.Чуковского: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2012. – 153 с.
 13. *Махихина Н.Г.* Романтическая традиция в сказках для детей 70-х годов XX века (на материале сказок Е.Борисовой и А.Шарова) // *Детская литература и воспитание: Сборник научных трудов Международной научно-практ. конф. "Детская литература и воспитание"*, Тверь 21-24 мая 2008 г. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – С. 29 – 36.
 14. *Успенский Э.Н.* Вниз по волшебной реке. – Москва: Самовар, 2006 // URL: <http://vseskazki.ru/education-uspenski/vniz-po-volshebnoj-reke.html> (дата обращения: 06.07.14)
 15. *Нагорная О.В.* К вопросу о поэтике литературной сказки (в сопоставлении с поэтикой фольклорной сказки) // *Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 3(17). – С.116 – 121.*
 16. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 179 с.
 17. *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.

EXPRESSING THE CATEGORIES OF TIME AND SPACE IN MODERN LITERARY FAIRY TALES

Yuan Dongbin, E.V.Khabibullina

The article discusses verbalization features of space-time continuum in a modern literary fairy tale, based on E.A.Uspenski's fairy tale "Down the Magic River." This article reveals the devices used by the author to objectify space and time in a work of fiction to achieve a certain rhetoric effect by employing the methods traditional for folklore. The authors analyze the spatial category and its ability to act simultaneously as a representative of different types of space. They also discuss the use of the temporal categories in direct and figurative meanings and define language units, acting as a means of imparting dynamism to the fabulous narration.

Key words: literary fairy tale, text analysis, space, time, language means.

1. *Ovchinnikova L.V.* Russkaja literaturnaja skazka XX veka: Istorija, klassifikacija, pojetika M., 2007. // URL: <http://www.twirpx.com/file/1216635/> (data obrashhenija: 04.07.2014) (In Russian)
2. *Belinskij V.G.* «O detskih knigah» Sobranie sochinenij. V 9-ti tomah. – T. 3. Stat'i, recenzii i zametki. Fevral' 1840 -- fevral' 1841. // URL: http://dugward.ru/library/belinsky/belinsky_det_knig.html (data obrashhenija: 04.07.2014) (In Russian)
3. *Gor'kij M.* Literaturu – detjam / Sobranie sochinenij v tridcati tomah. M., GIHL, 1953. – Tom 27. Stat'i, doklady, rechi, privetstvija (1933--1936) // URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1933_literaturu_detyam.shtml (data obrashhenija: 04.07.2014) (In Russian)
4. *Lipoveckij M.N.* Pojetika literaturnoj skazki (na materiale rus. lit. 1920-1980-h gg.). – Sverdlovsk: izd-vo Ural'skogo un-ta, 1992. – 183 s. (In Russian)
5. *Ostrovskaja L.A.* Jazyk i stil' russkoj literaturnoj skazki (lingvostilisticheskij analiz skazki P.P. Ershova "Konek-gorbunok"): dis. ... kand. filol. nauk. – Tashkent, 1984. – 202 s. (In Russian)
6. *Solov'eva N.N.* Avtorskie novoobrazovanija v detskoj literature: struktura, semantika, pragmatika: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1995. – 242 s. (In Russian)
7. *Garanina E.A.* Jazykovye sredstva vyrazhenija komicheskogo v detskoj literature: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk.– Samara, 1998. – 24 s. (In Russian)
8. *Cikusheva I.V.* Lingvisticheskie sredstva sozdanija komicheskogo jeffekta v skazkah // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie. – 2008. – Vypusk № 10.* // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-sredstva-sozdaniya-komicheskogo-effekta-v-skazkah> (data obrashhenija: 06.07.14) (In Russian)
9. *Cikusheva I.V.* Lingvostilisticheskaja specifika komicheskogo v literaturnoj skazke: dis. ... kand. filol. nauk. – Majkop, 2010. – 175 s. // URL: <http://cheloveknauka.com/lingvostilisticheskaya-spetsifika-komicheskogo-v-literaturnoy-skazke> (data obrashhenija: 01.07.2014). (In Russian)
10. *Kostina E.V.* Avtorskie novoobrazovanija v jazyke otechestvennoj detskoj literatury: funkcional'nyj i slovoobrazovatel'nyj aspekty : dis. ... kand. filol. nauk. – Orel, 2007. – 260 s. (In Russian)
11. *Gorbacheva O.G.* Onomasticheskoe prostranstvo russkih narodnyh i avtorskih skazok : dis. ... kand. filol. nauk. – Brjansk, 2008. – 273 s. (In Russian)

12. *Kvak Hje Mi Vremja*, prostranstvo i geroj v skazkah K.I.Chukovskogo: dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 2012. – 153 s. (In Russian)
13. *Mahinina N.G.* Romanticheskaja tradicija v skazkah dlja detej 70-h godov HH veka (na materiale skazok E.Borisovoj i A.Sharova) // *Detskaja literatura i vospitanie: Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf. "Detskaja literatura i vospitanie"*, Tver' 21-24 maja 2008 g. – Tver': Tver. gos. un-t, 2008. – S. 29 – 36. (In Russian)
14. *Uspenskij Je.N.* Vniz po volshebnoj reke. – Moskva: Samovar, 2006 // URL: <http://vseskazki.su/eduard-uspenskij/vniz-po-volshebnoj-reke.html> (data obrashhenija: 06.07.14) (In Russian)
15. *Nagornaja O.V.* K voprosu o pojetike literaturnoj skazki (v sopostavlenii s pojetikoj fol'klornoj skazki) // *Vektor nauki TGU*. – 2011. – № 3(17). – S.116 – 121.
16. *Nicolina N.A.* Filologicheskij analiz teksta. – M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. – 179 s. (In Russian)
17. *Babenko L.G., Kazarin Ju.V.* Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. – M.: Flinta: Nauka, 2004. – 496 s. (In Russian)

* * * * *

Юань Дунбинь – преподаватель кафедры русского языка Тайшаньского медицинского института.

Китай, провинция Шаньдун, Тайань, ул.Чанчэн, 29.
E-mail: yuandongbin_zili@163.com

Yuan Dongbin – Assistant Professor, Department of the Russian Language, Taishan Medical Institute.

29 Chancheng St. Taian, Shandong, China.
E-mail: yuandongbin_zili@163.com

Хабибуллина Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: elvikh@mail.ru

Khabibullina Elena Viktorovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia.
E-mail: elvikh@mail.ru

Поступила в редакцию 30.07.2014